

К.Лукашевич

Заветное окно

Рождественский рассказ

Был конец рождественского поста. Уже несколько дней стояли лютые сибирские морозы. Казалось, все застыло в воздухе, всюду замерла жизнь, и ледяное дыхание зимы было опасно для всякого, кто отважился бы показаться на улице.

Зима в том году стала рано. Снегу выпало много. И этот белый, пушистый, крепкий снег сплошь покрывал и леса, и поля, и дороги; иную деревню или небольшой городок так засыпал, занес, что как будто туда не было ни прохода, ни проезда.

В самый Рождественский сочельник мороз был особенно силен. У путников захватывало дыхание, слипались глаза, покрывались сосульками усы, брови, ресницы; многие отморозили себе ноги, руки, носы, уши; иные и совсем погибли в пути, птицы замерзали на лету.

Когда стемнело, глубокое синее небо загорелось мириадами огоньков, узенький серебристый рог луны показался на горизонте, а окрестный воздух был особенно тих, и прозрачен, и резок, как это бывает в сильные морозы.

Среди невообразимого снежного поля, которому в темноте не виделось конца, шли два путника. Кругом было тихо, темно; ни звука, ни движения... Лишь в небе сияли звезды, да под ногами хрустел крепкий снег. Если зорко присмотреться, то поэтому блестящему белому снегу вилась протоптанная узкая тропинка.

Путники шли молча, поминутно сбиваясь с тропинки и увязая по сторонам в снегу. Один был закутан с ног до головы в какую-то хламиду, должно быть, в сибирскую доху, другой - в коротком кафтане, и голова его была обмотана платком.

- Бррр... Околел! Руки и ноги знобит... Должно быть, капут... Не дойти... - дрожащим голосом, заикаясь, проговорил последний.

- Молчи, Рыжий... Скоро дойдем... Я эти места знаю... Будет работа... Обогреемся... - отвечал другой басом, покашливая.

- Знаю эти места и я... Только работа тебе будет во какая: меня в яму свалить.

- Шагай, шагай! Знай помалкивай... Скоро дома будем, - подбадривал товарища спутник.

- Мой дом между четырьмя досками.

- Перестань-ка... Поди, родненькие ждут... Каши, щей, пельменей жирных наварили, гуся зажарили... Теперь праздничек.

Спутник его ничего не ответил, но тяжело вздохнул, и неопределенный стон вырвался из его груди.

- Мороз-то тебя спугнул, Рыжий... Никак, ты хнычешь? Эх ты, баба! - упрекнул товарищ.

В это время оба они замолчали и замедлили шаг: дорога пошла в гору - и чем дальше, тем круче. Длинная доха одного пешехода мешала ему; он то и дело спотыкался, даже два раза упал и вставал с громкой бранью; другой, что был в коротком кафтане и платке, шел, охая, вздыхая, и что-то бормотал про себя непонятное... Они взойшли на гору.

- Видишь... Так я и знал! За этой горой не то село, не то городишко... Дрянной, маленький... Да ничего себе... Будет работа - будет и хлебец, - многозначительно проговорил тот, что был в дохе.

Другой остановился как вкопанный, дышал тяжело и прерывисто и хватался рукой то за голову, то за грудь, как будто ему было больно или он вспоминал что-то, силился высказать и не мог...

- Да, да... городишко... Село... дрянное, маленькое... так... незначущее, - бормотал он, поминутно откашливаясь, как будто подавился или кто-нибудь хватал его за горло...

- Эй, приятель, никак, ты ополоумел с морозу... Рыжий, ты что дуришь?! Тебе я говорю...

- Я ничего, Косой... ничего... Не кричи... Сам знаю... Вижу... Чего пристал...

- Полно тебе, приятель, пойдем... Не то и взаправду замерзнем... Даже меня пробирает, а ты налегке, - уже смягчаясь, проговорил товарищ.

- Пойдем, - решительно выкрикнул его странный спутник. - Чур меня слушаться: я эти места признал... Бывал тут раньше, хорошо работал... Послушаешь - и дело будет сделано...

Наши приятели стали спускаться с горы. Мужчина, который был в дохе, искоса с удивлением поглядывал на товарища и с горечью думал: "Немного рехнулся, бедняга... Придется его где-нибудь